

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Рэй
БРЭДБЕРИ

*Давайте все убоим
Констанцию*

Москва

2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б89

Ray Bradbury
LET'S ALL KILL CONSTANCE

© 2002 by Ray Bradbury

Перевод с английского *Марины Воронежской*
Редактор *Марина Дробкова*

Оформление серии *Натальи Ярусовой*

Брэдбери, Рэй.

Б89   Давайте все убьем Констанцию / Рэй Брэдбери ;
[пер. с англ. М. Воронежской]. — Москва : Эксмо,
2018. — 224 с. — (Всемирная литература).

ISBN 978-5-04-098123-6

Знаменитая киноактриса Констанция Раттиган получает прене-
приятную посылку: записную книжку с телефонами давно умерших.
Есть чему пугаться, ведь имена немногих оставшихся в живых поме-
чены жирным крестом, в том числе и фамилия самой Констанции.
Чтобы спасти ее и раскрыть загадку последовавшей за этим цепочки
смертей, потрясших Голливуд воспоминаний и Голливуд современ-
ности, героям нового романа Брэдбери (уже знакомым читателю по
произведению «Смерть — дело одинокое») придется Констанцию
убить. Причем всем вместе.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© М. Воронежская, перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-098123-6

*Эту книгу я посвящаю с любовью
своей дочери Александре,
без которой третье тысячелетие
могло бы и не наступить вовсе.
А также Сиду Стебелу —
с любовью и благодарностью.*

ГЛАВА 1

Была темная грозовая ночь¹. Та самая, на которую лучше всего клюет читатель.

Мне ведь не жалко. Грозовая — так грозовая. Небо раскалывалось от молний, а в каналы калифорнийской Венеции² обрушивались потоки воды. Дождь, который лениво моросил с самого утра, к вечеру решил взять реванш. На пляже не осталось ни души, во всех бунгало были захлопнуты ставни — город как вымер. Одни только совы зловеще мелькали в голубых вспышках, призывая Смерть... Да и кого еще можно было призвать из этого буйства стихии? Очень скоро выяснилось, что кое-кто бежит впереди Смерти...

Внезапный стук в фанерную дверь бунгало заставил меня вздрогнуть.

Я как раз прилег на печатную машинку, пытаюсь победить бессонницу: кто-то для этого считает

---

¹ Была темная грозовая ночь — знаменитая, часто упоминаемая в пародиях вступительная фраза из романа «Пол Клиффорд», написанного в 1830 году английским писателем Эдвардом Булвером-Литтоном — родоначальником жанра криминальной беллетристики...

² Венеция — восточный пригород Лос-Анджелеса на берегу Тихого океана, построенный в начале XIX века по образцу итальянской Венеции.

овец, я же — раскапываю могилы. И вот, сижу я в очередной яме, кругом гроза, и вдруг в крышку гроба кто-то стучит...

Открываю дверь и вижу — Констанция Раттиган.

Та самая Раттиган — которую знают все.

Стоит под молниями — и они фотографируют ее со вспышкой. Вот есть Раттиган, а вот нет Раттиган... Вот — есть, вот — нет.

Вот — есть... Вспышка выхватывает из темноты загорелое тельце морского котика, в котором каким-то загадочным образом уместились сорок лет радостей и невзгод. А вот — уже нет... Наверное, поплыла за буйки по рассветной дорожке — чтобы вечером вернуться по закатной. То она в океане — подпевает хору морских зверей... То загорает обнаженной в своем бассейне, зажав по мартини в каждой руке. А то метнется в подвал, в киноаппаратную — в очередной раз любоваться на себя, увековеченную в компании с призраками Эриха фон Штрогейма¹, Джека Джилберта² и Рода ля Рока³, которые послушно бегают по потолку и беззвучно смеются, стоит нажать кнопку... Думаете, она еще там? Черта с два. Вон она, вдалеке, скользит на доске по волнам прибоя⁴... Чем быстрее движется

---

¹ Эрих фон Штрогейм — австрийский актер и режиссер (1885–1957).

² Джек Джилберт — американский поэт и автор эротических романов (1925–2012).

³ Род ля Рок — американский актер (1898–1969).

⁴...скользит на доске по волнам прибоя — судя по всему, героиня Брэдбери увлекалась бодисерфингом — так называется катание по волнам на маленькой доске с маленькими ластами, при котором в качестве глissiрующей поверхности используется тело серфера...

мишень, тем труднее в нее попасть. Ни Время, ни Смерть не смогут за ней угнаться.

Констанция.

Раттиган.

— Господи, ты-то откуда здесь? — кричит она, пытаясь перекрыть грозу.

И невозможно понять: дождь у нее на лице — или слезы...

— Господи, да ты сама-то откуда?

— Отвечай на вопрос!

— Мэгги уехала на восток на конференцию учителей. А я тут пытаюсь закончить новый роман. Дома — тоска смертная. Бывший хозяин сказал, бунгало на море свободно — приезжай и пиши. Вот я и приехал. Господи, Констанция, заходи скорей, ты же промокнешь!

— Я и так уже вся промокла. Отойди с прохода! — говорит она. А сама не двигается с места.

И чем дальше она там стоит, под молниями, тем сильнее, с каждой новой вспышкой, становится похожа на ту женщину, которую я знал раньше... Как будто пленку с призраками в киноаппаратной кто-то запустил задом наперед, и она прокручивается прямо через их жизни — фон Штрогейма и всех остальных.

Дальше, дальше — и вот уже передо мной маленькая девочка, прижимающая к груди черный портфель. Она дрожит от холода, глаза ее полны вселенского ужаса. И теперь уже невозможно поверить, что это она — сама Раттиган, легендарная звезда экрана... Собственной персоной явилась ко мне ночью в разгар грозы.

— Ну, заходи же! — повторил я.

— Так пропусти!

Она повисла на мне и впилась в мои губы страстным поцелуем — как будто в рот засунули ириску со вкусом морской воды. Побежала в комнату, потом с полпути вернулась и поцеловала меня еще раз — в щеку.

— А в этом что-то есть... — сказала она. — Но все потом. Сейчас у меня шок...

Прямо в мокрой одежде Констанция запрыгнула с ногами на диван и подтянула колени к подбородку. Зубы у нее стучали. Пришлось срочно снять с нее платье и завернуть ее в большое полотенце.

— Ты так со всеми женщинами поступаешь? — спросила она, пытаясь унять озноб.

— Только с теми, которые заявляются ночью в грозу.

— Пожалуй, не стоит рассказывать об этом Мэгги.

— Будет тебе, расслабься, Раттиган.

— Эту фразу я слышу всю жизнь, от всех своих мужиков. После нее обычно следует удар в самое больное место. Или осиновый кол.

— А ты стучишь зубами от холода или от страха?

— И то и другое... — она в изнеможении откинулась на диван. — Всю дорогу бежала. Не думала, что ты здесь, ты же съехал сто лет назад. Как же хорошо, что я тебя застала! Ты должен меня спасти.

— Боже праведный, от чего еще?

— От смерти.

— Насколько я знаю, от этой штуки спастись еще никому не удавалось.

— Господи, ты опять в своем репертуаре! Я лично умирать не собираюсь. Я хочу жить вечно!

— Звучит почти как молитва. Спустись на землю, Констанция.

— Но ты тоже будешь жить вечно. В своих книгах!

— Лет сорок, может, протяну.

— Целых сорок лет! Может, со мной поделишься?

— Могу пока поделиться выпивкой. Что тебе уж точно не помешает, так это выпить и успокоиться.

Я откопал на кухне полбутылки Cold Duck¹.

— Бр-р, что это?

— Извини, виски не держу. Только дешевое писательское пойло. Попробуй.

— Ну и отрава, — она пригубила и поморщилась. — Быстрее! Дай что-нибудь запить!

В крохотной ванной я нашел фляжку с водкой, которую держал для бессонных ночей. Со словами: «Ну, иди же к мамочке!» — Констанция схватила ее и судорожно отпила.

— Стоп, стоп... — сказал я.

— Ладно, авось не помру, — она сделала еще пару глотков и отдала мне фляжку. — Спасибо господу.

Она откинулась на подушки.

— Хочешь знать, от кого я убегала?

— погоди... — я схватил бутылку Cold Duck и немного отхлебнул. — Теперь говори.

— Это была смерть, — сказала Констанция.

ГЛАВА 2

Я начал жалеть о том, что во фляге оказалось так мало водки. Теперь меня тоже трясло. Включив газовый обогреватель, я еще раз обыскал кухню и обнаружил бутылку Ripple.

---

¹ Cold Duck — американское игристое вино.

— О господи! — вскричала Раттиган. — Это же тоник для волос! — она отпила, и ее передернуло. — На чем мы остановились?

— На том, что ты убегала.

— Убегала от того, от чего не убежишь...

Входная дверь несколько раз дернулась от ветра.

Я взял Констанцию за руку и не отпускал, пока все не стихло.

После этого дрожащими пальцами она залезла в свою черную сумочку и достала какую-то книжечку.

— Взгляни.

«Телефонный справочник Лос-Анджелеса, 1900», — прочел я и присвистнул.

— Как ты думаешь, почему я его принесла?

Я открыл справочник и сначала пролистал всех на «А», потом дошел до «Г», перекинулся на «М», потом на «Т»... и везде были фамилии, фамилии, имена, фамилии — и все из другого столетия...

— Ты только вдумайся, — сказала Констанция.

Я вернулся в начало. Все на «А» — Александер, Альберт и Вильям. Б — Берроуз.

— Ну, да, бодрит, — сказал я, — 1900-й год. А сейчас 1960-й, — я взглянул на Констанцию, которая выглядела бледной, несмотря на сильный загар. — Вряд ли кто-то из этих людей еще жив, — я указал глазами на список. — Им уже не позвонишь. По сути, это...

— Что — это? Ну, говори.

— Книга мертвых.

— Угадал.

— Книга мертвых из Египта. Прямо из гробницы.

— Ага, из могилы, — невесело усмехнулась Констанция.

— Тебе кто-то ее прислал? — спросил я. — А записка прилагалась?

— Записка?

Я снова полистал справочник.

— Впрочем, все и так ясно. Поскольку их всех уже нет в живых, это означает, что...

— Что и мне тоже пора, — сказала Констанция.

— Стать последней в реестре Книги мертвых?

— Да.

Я вздрогнул и поднял температуру на обогревателе.

— Но это же ужасно.

— Да, ужасно, — сказала она.

— Вообще, телефонные книги — это такая штука... Я, бывает, даже плачу над ними. Во всяком случае, Мэгги так говорит. Они же разные бывают, эти телефонные книги. Все зависит от...

— Еще какие разные, — перебила меня она. — Вот, взгляни...

Она достала из сумки еще одну черную книжечку, поменьше. Записную.

Я открыл ее и прочел: «Констанция Раттиган». Дальше шел адрес ее дома на побережье. А потом, как положено, начинались все на «А».

— Абрам, Александр, Аллен... — Я огласил весь список и перешел на «Б». — Болдуин, Брэдли, Бенсон, Бус...

Я невольно похолодел.

— Это же все твои друзья... Я их всех знаю... знал.

— Вот именно.

— Почти все уже лежат на Форест-Лаун¹. Хорош блокнотик... Прямо книга погребений какая-то.

— Поверь мне, это в сто раз хуже, чем справочник 1900 года.

— Почему?

— Потому что я собственноручно выкинула ее — сто лет назад. После того сериала — «Голливудские слуги» — я уже не могла вычеркивать имена выбывших. Просто рука не поднималась. А мертвецов в списке становилось все больше. В конце концов я решила, что книжка мне больше не понадобится. Конечно, немного живых там еще оставалось... Но я все равно ее выкинула. И вот теперь, представь, она ко мне вернулась. Я обнаружила ее сегодня, когда пришла с моря.

— О господи, ты еще и плавала в такую погоду?

— Мне без разницы — солнце или дождь. Пришла вечером с моря — а они там лежат — во дворе. Загробный подарочек.

— И никакой записки?

— А что здесь комментировать? Все и так ясно.

— Да уж... — я взял в одну руку фолиант 1900 года, а в другую — записную книжку Раттиган. — Две Книги почти мертвых — да простят меня, если кто там есть живой.

— А они там есть, — сказала Констанция. — Посмотри — вот... И здесь тоже. И еще здесь.

На трех страницах она показала мне имена, обведенные красной ручкой — и рядом с каждым был нарисован крест.

---

¹ Форест-Лаун — знаменитое калифорнийское кладбище, мемориальный парк Forest Lawn, что в переводе с английского означает «лесная поляна».

— Они что — какие-то особенные? — спросил я.

— Да, особенные. Смерть их пометила. Крестом — ты же видишь.

— Пометила тех, кто скоро умрет?

— Да! Нет! Не знаю! Но я там тоже есть. Смотри. Ее имя на первой странице тоже было обведено красным и снабжено крестом.

— Книга мертвых — плюс список тех, кто скоро ее пополнит?

— Вот ты ее держишь — ты ничего такого не чувствуешь?

— Холод чувствую, — сказал я. — Она прямо ледяная.

Дождь стучал по крыше...

— И кто бы это мог учинить такое с тобой, Констанция? У тебя есть какие-нибудь версии?

— Сто миллионов версий... Ну ладно, пусть будет девятьсот. Десятком меньше, десятком больше...

— Не слишком ли широкий круг подозреваемых...

— Для тридцати-то лет? Как бы не маловато...

— Маловато?!

— Они же выстраивались в очереди.

— Надо было не пускать!

— Они все кричали: Раттиган!

— Надо было не слушать.

— Может быть, это сделали баптисты?

— Ох...

— Ну, хорошо. — Она последний раз припала к бутылке и поморщилась. — Ты сможешь мне найти эту сволочь — или двух сволочей, если эти Книги мертвых пришли с разных концов?